

1991

13 января 1991 года.

Утром, еще в постели, включил радио «Свабода» и с оборвавшимся сердцем узнал о начале горбачевского порабощения Литвы. Войска штурмовали здание Вильнюсского телецентра, есть погибшие.

Наконец, диктатор показал в деле сталинскую сущность.

17 января 1991 года.

Странно (если не страшно!) читать коллективные письма звезд культуры, осуждающих Горбачева за насилие в Литве. Еще несколько месяцев назад они (к примеру, М.Ульянов) пели ему панегирик. Диктатору -- панегирик. Мифотворцу, не умеющему взглянуть в глаза реальности, -- светили звезды культуры. Как легко покупаются деятели искусств! Поэтому их и близко не надо подпускать к политике, к управлению государством.

23 февраля 1991 года.

От Минска до Вильнюса два часа езды. Но специальные корреспонденты главных партийных газет Белоруссии не помчались туда, чтобы рассказать читателям правду о трагедии у соседей. Нет, газеты ударили по читателю заготовленными идеологическими болванками.

У соседей горели скорбные свечи, и именно в тот день газета «Советская Белоруссия» в дидактической статье клеймила литовский сепаратизм и славил миролюбие советских войск.

В Вильнюсе хоронили убитых и раздавленных армейским металлом, и в тот же день та же газета чеканила строки: «Рухнул, казалось бы, бессмертный литовский «Саюдис», лишившись уважения народа, под бременем лжи, воинствующего национализма и антикоммунизма, несостоятельной экономической политики... БНФ -- плоть от плоти потомство «Саюдиса», несущее в геномном коде порочную наследственность».

В Литве плакали, а в Белоруссии смеялись. Куда деться от факта! Парламентская оппозиция предложила ВС БССР немедленно осудить вмешательство грубой советской силы, приведшее к жертвам в Вильнюсе, но

белорусский парламент пожелал отмолчаться. Мол, надо разобраться, кто и зачем там стрелял и давил людей танками.

Народный депутат, лидер БНФ З.Позняк подошел к микрофону и сообщил коллегам, что из Вильнюса получена весть о возможном штурме здания литовского парламента при помощи авиации и что в данной ситуации отмалчиваться непростительно. И тут зал белорусского парламента взорвался от дружного, сытого, самодовольного, самоуверенного, мужского большевистского хохота. Так выражала свою искренность номенклатура, составляющая здесь подавляющее большинство. Хохочущее большинство.

Заявление о событиях в Литве ВС БССР принял спустя несколько дней, последним среди республик, когда стало очевидным, что молчать далее — значит способствовать беззаконию.

В воскресенье 20 января, на площади Ленина в Минске состоялся митинг солидарности с независимой Балтией. Людей пришло постыдно мало. Белоруссию, как ни прискорбно, не встревожил пожар в доме соседей -- и в Вильнюсе, и в Риге. Когда пресса оболванивает, а парламента хохочет, -- народ спит.

Апрель 1991 года

3 апреля рабочие нескольких минских заводов бросили станки и вышли на улицу. Рабочие требовали повысить зарплату.

4 апреля забастовка приняла массовый характер. Рабочие строились в колонны и шли к Дому правительства. Движение транспорта по Ленинскому проспекту прекратилось. Рабочие шли в спецовках. Милиция организовывала им «зеленую улицу».

На площади у Дома правительства состоялся митинг. Рабочие выработали пакет экономических и политических требований, передали документ правительству.

5 апреля Президиум Верховного Совета БССР обнародовал постановление «О серьезных упущениях при проведении реформы розничных цен и обеспечении социальной защиты населения Белорусской ССР». Постановление носило декларативный характер.

10 апреля стачка в Минске возобновилась. На площади Ленина стояло 100 тысяч человек. Митинг шел весь день. На место первой смены заступила вторая.

Тихая стабильная Беларусь удивила мир. Нигде в СССР не протестовали против повышения цен так активно и гневно, как рабочие Беларуси.

Я был на площади. Слышал, что говорил народ:

«Как нам жить дальше? Как терпеть это правительство? Эту партию, приведшую в тупик? Единственное, что они могут сделать для народа, -- уйти в отставку» (рабочий моторного завода).

«Без коренных экономических реформ не выйдем из болота» (рабочий завода имени Вавилова).

Партийное руководство республики, оправившись от растерянности, начало привычное пропагандистское контрнаступление через подручную печать. Лейтмотивом через многочисленные статьи прошла угроза работягам: если не выйдете к станкам, приведете свои семьи к голоду, а страну к краху.

Митинги пошли на убыль. В стране ничего не изменилось.

19 августа 1991 года.

Пи...дец -- всему!

В Москве путч. Отъявленные союзные шовинисты решили во что бы то ни стоило сохранить СССР. Действия Горбачева в том же направлении показались им нерешительными, потому его изолировали на крымской даче, объявив больным.

Если ГКЧП удастся -- конец всем надеждам на свободу. Прятать или не прятать дневник? Решил: не прятать.

28 августа 1991 года.

Путч провалился! Если посмотреть на него спустя неделю, ГКЧП кажется каким-то несерьезным пионерским мероприятием сталинских марзматикиков. Но тогда было страшно: лексика путчистов напоминала 1937 год.

Парадокс: если бы не ГКЧП, общество не увидело бы завтрашних руководителей страны и не ужаснулось бы перспективе.

Путч завершил горбачевскую эпоху. Начинается подлинная перестройка. Этому можно радоваться, но... Сколько будет трагедий, связанных с распадом СССР!

Вечером, в полутемном коридоре Дома правительства, мы с депутатом Верховного Совета БССР Зеноном Позняком сидели на подоконнике и говорили о текущих проблемах.

--Радоваться рано! -- сказал Позняк. -- За семь десятилетий коммунистическая зараза проникла во все сферы общества, экономики, личной жизни. Она сильна, коварна. Эпидемия коммунизма может вспыхнуть вновь. Для нее в Беларуси остается благодатная почва.

--Благодатнее, чем где-либо в другом месте СССР?-- уточнил я.

--Да. Белорусское общества не было готово к августовской революции. Вот тебе примеры. Наш парламент принял законы о департизации, о приостановке деятельности Компартии. Надо было немедленно проводить их в жизнь. Но общество, народ выжидали, не бросились помогать осуществлять законы. Поддержка пассивна. А политический момент требует гражданской активности всех.

--Следовательно, народной революции, по типу московской, в Беларуси пока не произошло?

--К сожалению, нет.

--Зенон, какова ближайшая тактика парламентской оппозиции, в которую тыходишь?

--Выборы нового Верховного Совета. Пока в нем правит коммунистическое большинство, движения вперед не будет. Спасти республику от коммунизма может лишь новый парламент, избранный на многопартийной основе...

Вдруг в коридоре посветлело. Это на улице зажглись прожекторы, освещающие идола коммунизма, застывшего перед Домом правительства. Рядом с идолом застыла маленькая тень милиционера. Мы оба замолчали, повернувшись к окну.

Позняк смотрел на идола сверху вниз.

31 декабря 1991 года

Трудно вообразить: я больше не живу в СССР, потому что СССР -- не существует. Моя родина -- уже не Советский Союз.

В Беловежской пуще собрались большие начальники и упразднили империю. Вполне историческое событие.

Но эйфории в моей душе -- никакой. Исторического события душа так давно ждала, что приустила от ожидания. В душе не радость, а тревога: может быть война. Бывшие «братские республики» начнут делить имущество, ресурсы, территории -- и могут допустить силовые приемы.

Вот с этой тревогой моя семья и встречает Новый 1992 год.

www.kamunikat.org